

**ОТЗЫВ официального оппонента**  
**о диссертации на соискание ученой степени**  
**исторических наук Нестеровой Елены Ростиславовны**  
**на тему: «Монгольская империя Юань в Китае в XIII в.**  
**Аспекты цивилизационного взаимодействия»**  
**по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история»**

Вопросы изучения полиэтнических обществ сейчас приобрели особую значимость, в том числе в России. Взаимодействие носителей различных культурных кодов в пределах единых государственных систем является не только насущной проблемой практической политики, но и сложной исследовательской задачей для нескольких научных дисциплин.

В диссертации Е.Р. Нестеровой рассматривается гораздо больший круг проблем, чем можно было бы ожидать от ее названия. Автор не только анализирует цивилизационное взаимодействие в Монгольской империи периода Юань (1271–1368 гг.), но обращается также к предимперским и раннеимперским временам. Источниковая база исследования обширна и в то же время традиционна. Оно основано на сведениях текстов, давно введенных в научный оборот и многократно и подробно проанализированных в историографии. (Впрочем, в такой же ситуации с источниками оказываются все ученые, которые берутся за изучение империи Чингисхана и Чингисидов.)

Общеизвестны достижения китайской цивилизации, перенятые монгольскими завоевателями и взятые ими на вооружение при организации огромной евразийской державы. Меньше внимания историки обращали на обратный процесс – рецепцию монгольских институтов и явлений в государственности и культуре завоеванного Китая. Диссертант приходит к заключению, что это было заметным феноменом в империи Юань. Там были учреждены ямская повинность, должность провинциальных наместников-даругачи; при возрождении китайской системы экзаменов на чин монголы и вообще некитайцы пользовались льготами (поскольку объективно они слабее владе-

ли премудростями конфуцианской схоластики по сравнению с китайскими претендентами).

При этом резонно учитывая мизерность пришельцев перед многомиллионным местным населением, автор отказывает китайскому влиянию в абсолютном и всеохватном воздействии на монголов. Можно видеть даже сознательные шаги по ограничению такого влияния. В диссертации приводятся соответствующие аргументы. Хубилай воспринимал основанную им империю Юань как преемницу «инородческой» империи Цзинь (стр. 241), после мятежа одного китайского военачальника увеличил число советников неханьской национальности (стр. 244). Добавим, что и в благосклонности Хубилая к тибетской ветви буддизма можно видеть средство противодействия мощному влиянию конфуцианских норм на императорский двор и все государство.

Однако при этом перед правительством стояла задача сплочения полиэтнической массы подданных неким общепризнаваемым культурным универсумом – помимо идеи подданства, преклонения перед императорским «Небесным мандатом», монгольской харизмой «сульдэ» и т.п. Обычно в истории правители находили такое средство в принятии новой, общей для всех религии. В Монгольской империи (в то числе в ее юаньской части) этому препятствовала Великая Яса Чингисхана, которая запрещала оказывать предпочтение какому-то одному вероучению. Хубилай пошел по другому пути. По его приказу была создана новая письменность на тибетской основе. Однако, как верно замечает диссертант, народы империи не отказались от привычных графических систем, и так называемое монгольское квадратное письмо было забыто сразу после изгнания монголов из Китая (стр. 244, 245).

Вместе с тем, эти искусственные меры не могли полноценно противостоять тысячелетней традиции Китая. В главе 7, посвященной торговле, помимо ассортимента товаров и цен на них, перечисляются страны, с которыми Юани вели активную коммерцию. Оказывается, что круг этих стран очерчи-

вался оком привычной китайской ойкумены – Дальним Востоком, Южной и Юго-Восточной Азией. На земли к западу от империи Юань ее власти обращали очень мало внимания; западные улусы Монгольской империи (Хулагуидский Иран, Золотая Орда, Чагатаи в Средней Азии) их почти не интересовали. В источниках юаньской эпохи сведения о тех краях ничтожно малы и при том зачастую передают искаженные, неверные сведения.

Возможно, в этом подспудно сказывался прораставший сквозь жесткую систему монгольского правления синоцентризм. Здесь, пожалуй, проявилась теоретическая перспектива все большей и неотвратимой китаизации степных агрессоров, что уже не раз случалось до Чингисхана и Хубилая. Е.Р. Нестерова, очевидно, права, когда утверждает, что завоевание не воспринималось китайцами, в отличие от всех прочих оседлых народов Евразии, как эсхатологическая катастрофа: «Для них, на фоне многократных завоеваний кочевниками на протяжении всей истории, монголы стали просто еще одной группой завоевателей... Монголы не расценивались как некое уникальное бедствие. Скорее, просто как еще одна страница истории» (стр. 298).

В работе Е.Р. Нестеровой затронуто немало дискуссионных проблем, которые или не поддаются пока окончательному решению, или допускают альтернативные интерпретации. К дискуссии также побуждает полемический стиль автора.

Так, в отношении образования XII в. *Qatuiq mongqol* Е.Р. Нестерова присоединяется к тем, кто переводит и трактует данное словосочетание буквально: «все монголы». Она пишет: «Если бы *Qatuiq mongqol* представляло из себя государственное образование, у этого государства, помимо названия, должны были бы быть хоть какие-то властные институты. А в источниках ни о чем подобном не говорится» (стр. диссертации 154). Но, во-первых, при известном дефиците сведений о средневековых бесписьменных обществах мы не можем отказывать этим обществам в каких-либо признаках из-за того, что в единичных, уникальных упоминаниях о них отсутствует достаточная ин-

формация. Во-вторых, современная наука давно не оперирует жесткой схемой «государство или не государство». Разработаны многочисленные концепции различных стадий ранних государств, вожеств, других неэгалитарных сообществ. Очевидно, было бы правомерно пока, до накопления дополнительных данных, определять *Qamıq mongqol* общим понятием «полития».

Автор прав, когда отмечает, что китайцы всех кочевников к северу от Великой стены в XI – начале XIII вв. называли татарами (стр. 134). Однако нужно учитывать, что и в мусульманских странах той же эпохи этноним «татар» служил обобщенным названием народов Центральной Азии. Когда меркиты, преследуемые чингисовыми войсками, приблизились к границам Хорезма в 1216 г., там это расценили как пришествие татар.

В диссертации отмечается сознательное расчленение монгольских и тюркских племен Чингисханом. Единичные же разрешения его на воссоединение племен являлись особой милостью (стр.164). Такая трактовка добавляет еще одну версию в старый, нерешенный спор: почему в разных концах Монгольской империи, Золотой Орды – и впоследствии в составе разных народов – оказались родоплеменные сообщества с одинаковыми названиями (найманы, кунграты, мангыты и др.). Согласно одной точке зрения, различным племенам были дарованы места для кочевания, а местное тюркское население – гораздо более многочисленное – приняло названия этих новых владельцев. Другое мнение сводится к переносу на подвластное население племенной принадлежности тысячников, которые командовали разношерстным контингентом кочевников-ополченцев. Таким образом, в рецензируемой диссертации предлагается третье объяснение.

Империя Юань появилась в то время, когда Монгольская империя находилась на грани окончательного распада. Автор пишет: «Хубилай перенес свою столицу из степи [в Китай], положив начало обособлению частей Монгольской империи и выделению четырех самостоятельных государств» (стр. 170). Действительно, основание столицы (Ханбалыка) на месте современного

Пекина означало демонстративный разрыв со старой традицией, предусматривавшей пребывание кагана в монгольском городе Каракоруме. Это важно учитывать в связи с повышенным (и не вполне заслуженным) вниманием казахстанских и части российских историков к курултаю (съезду знати) на реке Талас в 1269 г. – через три года после основания Ханбалыка. На этом съезде представителями западных улусов якобы было принято решение отделиться от верховного правителя, перебравшегося в Китай, и править каждому уже в качестве суверенных государей. Подход Е.Р. Нестеровой представляется более здравым в плане учета исторических обстоятельств.

В диссертации имеются положения, нуждающиеся в уточнении.

1. Историография использована выборочно. Необходимо было учесть серию монографий единственного российского специалиста по истории Юань А.Ш. Кадырбаева, а также превосходное демографическое исследование М.В. Крюкова, В.В. Малявина и М.В. Софронова «Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени» (М., 1987) о периодах Юань и Мин.

2. Тангуты некорректно отнесены к числу кочевников и степных завоевателей Китая (стр. 119, 121).

3. Стр. 156: «каждому представителю правящего Золотого рода полагается улус (крепостные вассалы), *юрт* (территориальное владение) и *инджу* (доход, соответствующий нуждам двора и войска)» (следует ссылка на В.В. Бартольда). Во-первых, вассалы не могут быть крепостными, как и сеньоры – это люди из разных социальных страт; во-вторых, территорию кочевий в данном случае следовало именовать не тюркским термином «юрт», а монгольским «нутаг».

4. Автор, кажется, не определился с принципом владения землями и подданными в Монгольской империи. Стр. 156: Чингисхан рассматривал империю «с точки зрения родовой собственности, от которой каждому представителю правящего Золотого рода полагается улус..., *юрт*... и *инджу*». Но

ниже, стр. 171: «особенность монгольского подхода к завоеванным владениям» — это «рассмотрение их в качестве личной собственности правителя». Так все-таки родовой собственности или личной?

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 07.00.03 – «Всеобщая история (История Средних веков)», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Е.Р. Нестерова заслуживает присуждения ученой степени исторических наук по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история».

Доктор исторических наук,  
главный научный сотрудник  
ФГБУН «Институт российской истории»,  
руководитель Центра истории народов  
России и межнациональных отношений  
Трепавлов Вадим Винцерович

Специальность, по которой официальным оппонентом  
защищена диссертация:

07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы:

117232, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19,

Институт российской истории РАН

Тел.: 7(485)1269420; e-mail: naroduyiri@mail.ru